

ТРИ ПРЕМЬЕРЫ

М. Советское искусство. 21/IX 32

15 апреля 1900 года в Ялте — на террасе чеховской дачи, под шпек морозных вод, в вечерних сумерках Горький рассказывал Станиславскому набросок задуманной пьесы. В ней правая роль была навеяна из хоршего дома. Был у лавки воротничок с фразой рублишки. Он бер рублишко и зрчо этот воротничок: адинстванное, что связывало его с прежней жизнью. Жизнь была оравлена ненавистью: в ночежке тесно, ее обитатели ругаются. Первый акт. Второй акт кончался врезанным обходом почтешки подлиней Суеда, тревога, паника. В третьем акте наступала весна. Ночежники выходили на частый воздух. Грелись на солнышке. Пели песни. Забывали о мрачной ненависти друг к другу.

Это были первые контуры будущего «На дне».

Актеры увлеклись Горьким. И Горький увлекся театром.

Вл. И. Немирович-Данченко подметил в нем — зоркость и неподдельно и точную оценку наблюдаемого. Была в нем очевидно, при скромности хорошего вкуса, стихийная вера в себя, в свое миропонимание. Приятный басок нарспев и очаровательная улыбка. В движениях угловатая грация.

Угодил и Горького писать первую пьесу не об этом лавке из хоршего дома, и не об этой ночежке, отравленной ненавистью и мечтами о прошлой жизни. Эта тема казалась опасной. Заранее вняли — цензура не пропустит.

Алексей Максимович написал «Мещан». Вл. И. Немирович-Данченко ездил слушать первые акты в Арамаис. Это уже было в 1902 г. — Горький был в есылке.

«Мещан» сыграла впервые в Петербурге — в весенних гастролях театра. Понадобилось немало усилий, чтобы пьесу разрешили. Но сразрешение» вышло купое, только для абонементной публки. Дирекция театра сама указывала на абонентов: «Помилуйте», — убеждал цензоров Владимир Иванович. — «Военнты-то чам виноваты? Они денежка внесли вперед. А откуда же, из каких средств возвращать нам вносы, если вы запретите «Мещан»?».

И вот, для самой, как выразился покойный В. В. Лужский, «пьяншильстой» (от слова «пьяншила») — богатейший мех в дам (ларяе) публки играли «Мещан». Сыграли под охраной королевых. Полиция не только оцепила здание Панаевского театра, но и были введены в самое помещение. Войлись демонстраций молодежи в честь Горького.

Городовых переодели в капельдинеров. С ловкостью словов, пущенных в посудную лавку, «контролировали» городовые билеты. Тяжело было здоровенным их лавицам, в натянутых для приличия белых нитяных перчатках, вертеть зелененькие билеты с оттиснутой на корешке чайкой.

Городовых переодели не сразу: на одном спектакле они были в своем натуральном виде. Это встревожило публку и взбесило Немировича-Данченко. Он имел бурное объяснение с градоначальником Клейгельсом. Генерал сказал прощически:

— Ах, так публку волнуют городовые. Отлично: она не увидит городовых.

Городовые напялили на себя театральные фраки.

Работеята, богатыл абонементная облика валом валила. Интересовались

мещанам. И не ответит мещанин ни на один вопрос, к нему обращенный.

И будет поарамлен мещанин, и правдо пойдет его кондовая, прешная, скудная, темная жизнь.

***

Успех «Мещан» был средний — у публики, потому что ее шиншила — прочная защита от анархических речей бродяги и пьяницы, и у критики, либеральное благодушие которой было неспособно взволноваться пророчеством прядущих классовых боев. Но пророчество прозвучало.

«На дне» имело иную судьбу. Если Художественный театр, ставивший «Мещан» в натуралистической манере, не напел ключа к Горькому; если Художественный театр не вышел тогда победителем, то вторая пьеса Горького, сыгранная на этих же подмостках, имела одушительный успех. В этой, несомнен-

редать и внушить зрителю, он сказал: «Чтобы, понимаете, хоть возбодоражить не так спокойно в кресле бы им сиде лось, и то уж ладно».

Это было достигнуто.

«На дне» — давно классическая пьеса Она, подобно «Ревизору» и «Горе от ума», разменялась на поговорки. Афоризмы ее персонажей бытуют в нашей жизни. Они стали почти пословицами. И дана вечная жизнь в крылатых словах

***

Революционная волна нарастала: 1904 год, год японской войны, год военных неудач и вместе о том год роста революционного движения в стране. В этой атмосфере были сыграны в «Драматическом театре» В. Ф. Комиссаржевской «Дачники». Спектакль отмечен, с одной стороны, сильными овациями, с другой — яростными свистками.

Нетрудно понять, кто свистел и кто аплодировал. Пьеса о необычайной резкости ставила вопрос о судьбах русской интеллигенции. Она начинала ту длительную дискуссию, которая, в сущности, продолжалась Горьким на протяжении многих, многих лет и которая получила свое превосходное завершение в «Механических праздниках». Не дети ли «дачников», засорявших сорьем да хламом землю, эти «механические граждане», поспешившие бросить комом грязи в лицо русской революции?

Очевидцы спектакля сохранили набросок Горького, выходящего и на аплодисменты и свистки публики: «Без слов, валожив руки за спину, безжалостно жестокый и твердый, как мраморный колосс, стоял Горький перед пикающим интеллигентом и пристально смотрел на него».

В историю французской сцены вошел первый спектакль драмы Виктора Гюго «Эрнан», когда театр стал ареной разъяренной борьбы между классами и романтиками. В историю нашего русского театра надо занести премьеру горьковских «Дачников», ибо в вечер 11 ноября 1904 г. театр впервые стал ареной классовой борьбы.

Три премьеры, о которых здесь рассказано, знаменательны — в отечка — каждая по своему. Но все три первых представления первых трех пьес Горького являют начало того социального театра, основоположником которого является Алексей Максимович.

Будущий историк русской сцены напишет, что это — «арлет о которого начинается глава о театре, рожденном в великое пятинадцатилетие».

„На дне“
Квашня—Самарова, Василиса—Муратова, Анна—Савицкая

Горьким, как «модным» писателем-самоучкой.

Что может быть парадоксальнее этих представлений «Мещан» в атмосфере «пьяншильлей»?

Горький вскрыл мутные истоки мещанства.

В затхлый уклад Бессеменовского дома, в застоявшийся воздух его пыльных комнатушек, как овеяла весенняя струя, крывались обличительные речи бродяги и пьяницы певчего Тетерева. На смену мещанам шел молодой, полный бодрой силы и уверенный в победе, рабочий класс: Нил противостоял старику Бессеменову и «интеллигентному» сыну его Петру. И пророчески раздавались слова, что наступит день, и предъявит история проанй свой счет

но самой совершенной во всей горьковской драматургии пьесе, театр ехвовь быт, который копировали в малейших подробностях с хитроумных подлинников, рассыпал высокую романтическую ноту.

Станиславский босяцкие отрешья Сатинта ноии, как плац и шнагу мелодраматического героя. Станиславский и все, кто вместе с ним составляли замечательный ансамбль спектакля, нашли ключ к новому звучанию пьесы. Пьеса раскрылась с неожиданной стороны: гимн человеку — ния его звучит гордо, — слава человеческому сердцу и утверждение жизни утверждение, несмотря на мрак и публку ее засасывающего дна.

Когда Горького спросили, чем бы ему хотелось достичь спектаклем в что пе-